

УДК 801.73

DOI: 10.18384/2310-712X-2015-4-211-216

Лунькова Л.Н.*Московский государственный областной
социально-гуманитарный институт***ПОНИМАНИЕ СМЫСЛОВ ТЕКСТА В РАМКАХ РАЗНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУР**

Аннотация. В статье получает осмысление вопрос о параметрах понимания, в частности понимания и интерпретации художественного текста. Постановка проблемы охватывает также вопросы понимания текстовых смыслов в рамках двух и более лингвокультур. В работе уделяется внимание рассмотрению содержательного аспекта понимания, его контента, возникающего под действием эстетической и креативной функций языка. Особое место автор отводит обсуждению процессов понимания с точки зрения когнитивной лингвистики посредством теории когнитивных схем.

Ключевые слова: понимание, интерпретация, когнитивная схема, художественный текст.

L. Lunkova*Moscow State Regional Institute of Social Studies and Humanities***UNDERSTANDING OF TEXTUAL MESSAGES
WITHIN TWO LINGUOCULTURES**

Abstract. The article deals with the general aspects of understanding and in particular understanding and interpretation of a literary text. The problem goes further to understanding of textual messages within two or more linguistic cultures. The author also focuses on the contents of understanding as a phenomenon, the contents born by the aesthetic and creative impact of the language. Special attention is paid to the phenomenon of understanding as a concept of cognitive linguistics and through the theory of cognitive schemes.

Key words: understanding, interpretation, cognitive scheme, literary text.

Единство слова и мысли не вызывает сомнения, поскольку процессы познания проходят в синтезе двух подходов: от мысли к слову (ономасиология) и от слова к мысли (семасиология). В силу этого семантические различия регулярно обнаруживаются в области речемыслительной деятельности.

В ходе такого освоения языком действительности каждый отдельный национальный язык выступает как

особое мировидение, или как особый ракурс мировидения, особая точка зрения, по В. фон Гумбольдту. С другой стороны – как одна из знаковых систем; по Л. Ельмслеву – самая совершенная из знаковых систем, а по А.А. Потебне – это знаковая система, способная к бесконечному расширению; система языка не может не выявить универсальные (общие), типологические (отдельные), наконец, национально-специфические (особенные) характеристики. Все они стиму-

лируют поиски сходств и различий между языками, а также способы и средства преодоления этих различий от языка к языку, причём различия обнаруживаются не столько в форме, сколько в содержании, семантическом наполнении.

Особенно наглядно способы выявления содержательных различий действуют в художественных текстах, так как сами тексты осложнены речетворчеством субъекта-автора и субъекта-читателя, поэтому асимметрия означаемого, или содержательная асимметрия, – это текстообразующий признак.

Проблема репрезентации содержания-означаемого сопровождается выбором адекватных средств выражения в пределах одного языка и функционально-эквивалентных средств выражения в ситуации перевода, когда, как минимум, взаимодействуют два языка. При этом человек-автор, человек-переводчик на базе индивидуального опыта осуществляет адаптацию мира к потребностям человека-читателя, адресата, т. е. осуществляет интерпретацию отражённой в тексте реальной и виртуальной действительности.

Языковая картина мира выступает в качестве интегрирующего начала, хотя, очевидно, что она базируется на культурных и социальных моделях, или кодах, в результате чего посредством языка / языков вырабатывается некоторый компромисс, который раскрывается поэтапно, подобно объектам языкознания В. фон Гумбольдта: от языка вообще, от рода человеческого через отдельный – национальный – язык до языка индивидуума, или идиолекта.

Такое сложное взаимодействие языковых и знаковых составляющих

неизбежно приводит к возникновению эстетической интерференции, обусловленной множественными наложениями различных национально-культурных сознаний и моделей. Здесь адаптация, интерпретация и компромисс достигается как диалогичность, по М. Бахтину, Ю. Лотману и др.

Все эти явления, которые рассматриваются как содержательные аспекты означаемого, безусловно, имеют и ещё один параметр – это человек, который выступает как субъект и объект познания и творчества, как интерпретатор языковой картины мира, сконцентрированной в языковой форме до «субъективного образа объективного мира», по В. фон Гумбольдту.

Понимание – это сложный коммуникативно-когнитивный процесс, который затрагивает сложные речемыслительные процессы и определяет процессы интерпретации действительности в художественном тексте.

Принимая определение языка как знаковой системы, теории понимания становятся связанными с широким спектром проблем познания: выявление структуры означаемого, процессы означивания в различных языках, функционально-семантическая эквивалентность, проблемы адекватной интерпретации национально-специфического содержательного компонента художественного текста и т.п. В этой связи важное значение имеет не только постановка проблемы, но и способы её решения.

Лингвистическая философия утверждает, что вариативность понимания, наличие «различных пониманий» не только возможны, но и вполне естественны (У.О. Куайн). Это означает, что коммуниканты никогда не пони-

мают сообщаемого абсолютно одинаково, в процессе обмена информацией происходит «сопонимание» (Д.Э. Мур, П. Грайс, Л. Витгенштейн и др.).

В круг вопросов психолингвистики понимание входит в связи с разработкой моделей порождения и восприятия речи (А.А. Леонтьев, И.А. Зимняя и др.).

Интерпретирующая лингвистика, в свою очередь, придерживается следующей формулировки: «Значение и смысл языковых выражений рассматривается как результат интерпретирующей деятельности человека, обладающего конкретным багажом знаний, презумпций и предпочтений в выборе стратегий интерпретирования», однако «устоявшихся определений таких терминов, как *интерпретация* и *понимание*, не существует» [1, с. 197]. Процесс понимания может трактоваться как установление некоторого личностного смысла. Другими словами, *понять* означает не усвоить смысл, а придать, приписать его.

В рамках социолингвистики и лингвокультурологии понимание также обретает специфические параметры. Так, Г.Л. Тульчинский обращает внимание на важный для протекания рассматриваемого процесса фактор: нормативно-ценностную систему. «Понимание является, очевидно, универсальной процедурой осмысления действительности посредством рассмотрения её через призму определённых нормативно-ценностных систем общественной практики...» [5, с. 37]. Понимание подразумевает интересующую в себя социальный опыт, разделяемый понимающим индивидом. Кроме того, по определению А.А. Богатырева,

понимание – это то, что «может быть духовно освоено и коммуницировано личностью» [1, с. 16]. Некоторые исследователи определяют понимание как рефлексию, то есть «связку между образом подлежащей пониманию ситуации и опытом понимающего» [2, с. 17].

Процесс понимания в целом и понимание художественного текста как отдельного типа коммуникации в современной когнитивной лингвистике занимает особое место и объясняется через теорию схем. «Великие литературные творения – те, которые способны пережить время, например, «Тысяча и одна ночь» или «Декамерон» – имеют одно общее свойство. Их внутренняя движущая сила складывается в равной степени из двух компонентов: в них ожидания читателя могут одновременно находить своё подтверждение и полностью разрушаться. Ожидания организованы в виде набора схем, а литература представляет собой такой тип коммуникативной сферы, в котором схемы высшего уровня<...> контролируют отбор, активацию и формирование схем низшего уровня» [7, с. 56]. Альтернативность является схемой высшего уровня.

Сама по себе идея о том, что литература способна раскрывать новые грани человеческого существования, не нова и не оригинальна. В рамках теории схемы когнитивная лингвистика пытается доказать, как предшествующий опыт и знание могут изменять существующие когнитивные схемы любого уровня и изменяться под влиянием порождаемых текстом схем.

На наш взгляд, теория схем открывает широкие возможности для изучения процессов понимания. И если по-

нимание и актуализация когнитивных схем в рамках одной лингвокультуры происходит «в одной плоскости», то процессы понимания, декодирования текста, принадлежащего другой лингвокультуре, будут отмечены определённой интерференцией схем всех уровней, что может привести к сбоям в коммуникации.

Таким образом, с позиции теории схем мы можем говорить о трёх типах условий их актуализации. Чтение и понимание текста, а следовательно, актуализация схем может происходить:

– в рамках одной лингвокультуры (наиболее неподвижными здесь окажутся лингвистические схемы, поскольку не меняется тип языковой личности и неизбежны только различия в *прототипах реальности* от индивида к индивиду.);

– в рамках двух лингвокультур посредством перевода (естественно, что активно изменяющимися будут здесь языковые и текстовые схемы, что при условии хорошего перевода не усложняет понимания: «Чтение иноязычных (причем вне зависимости от самого языка) произведений в переводе на родной язык читающего не делает невозможным понимание этих произведений» [4, с. 135].);

– в рамках двух лингвокультур на языке оригинала (в результате интерференции происходит максимальная деформация и преобразование схем всех уровней, что, безусловно, значительным образом усложняет процесс понимания; здесь же обнаруживаются «различия на уровне речевой ментальности» [3, с. 121]).

Очевидно, что чтение и понимание художественного текста – это «не пассивная деятельность, но активный

динамический процесс» [8, с. 121]. В этом процессе ведущая роль отводится читателю как воздействующему субъекту, который, кроме того, имеет возможность выбирать способы интерпретации и преобразовывать одну и ту же действительность. Де Бюгран называет эту возможность *альтернативностью*, которую он описывает как состояние, где «участники литературной коммуникации свободны в выборе и создании других миров, отличных от «реального мира» [6, с. 56].

Необходимо отметить, что особую значимость проблема понимания приобретает при чтении текста на иностранном языке. Читатель в этой ситуации вынужден проводить двойное декодирование: языково-семантическое и языково-эстетическое. Иноязычный текст представляется носителям другой культуры в ином качестве. Он является не только произведением искусства, но и источником лингвострановедческой информации.

Например, по результатам сопоставительного анализа М. Клайн выделяет пять культурологических параметров, которые необходимо учитывать при анализе текста на английском языке:

– **форма / содержание** – англоязычная культура более ориентирована на форму выражения, нежели на содержание;

– **разговорность / литературность** – англоязычная культура позиционирует письменный язык как главное средство эффективной коммуникации, в то время как другие культуры признают приоритет разговорной формы языка для осуществления эффективного общения;

– **ритм дискурса** – стройность и симметрия дискурса в англоязычной

культуре считаются очень важными характеристиками, а, например, позитивность изложения не представляется необходимой;

– **прямота изложения** – англоязычную культуру можно считать единственной культурой, где линейности изложения событий отдаётся особенное предпочтение;

– **абстрактность / конкретность** – англоязычная литература характеризуется наибольшей конкретностью и логичностью изложения [7, с. 186–191].

Обозначенные таким образом потенциальные помехи в декодировании иноязычного текста позволяют осознанно подойти к культурно-языковым различиям, которые в норме не принимаются во внимание, а следовательно, избежать ошибок, связанных с языковой интерференцией.

Писатель всегда использует культурно детерминированные дискурсивные практики, которые актуализируются в определённых текстовых характеристиках. Важно то, что это происходит бессознательно, и тогда иноязычный текст может выглядеть недостаточно стройным, элегантным, эстетичным или даже совсем несвязным, что затрудняет или делает невозможным адекватное декодирование текста на иностранном языке. Представители различных лингвокультур структурируют реальность различными способами, и самоочевидно то, что различные языки предоставляют различные средства и ресурсы для организации текста.

Так, за языковой сложностью литературного текста нередко стоит

сложность понимания образа мыслей другого народа. Сложность увеличивается, если речь идёт о произведении слова, «удалённом» от читателя во времени или «пространстве». В связи с этим возрастает значение знаний исторического, культуроведческого и лингвострановедческого плана. Эта мысль прослеживается в ряде исследований Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, А.Д. Райхштейна, Ю.А. Сорокина. Отсюда следует вывод, что работа с литературными текстами на иностранном языке должна быть направлена на восприятие лингвострановедческой и эстетической информации. Носителями эстетической информации могут быть любые элементы в тексте: как элементы, имеющие семантическое значение, соотнесённые с определёнными объектами неязыковой действительности, так и элементы, имеющие внутриязыковое значение. Самостоятельную значимость могут приобретать любые формальные элементы языка, в том числе и грамматические средства.

Результат понимания тем точнее, чем больше языковая, грамматическая и структурная выраженность смыслового содержания. Следовательно, в процессе восприятия иноязычного литературного текста представляется важным направить внимание на выявление носителей художественной информации в элементах языкового, грамматического и структурного оформления художественного текста. Это способствует извлечению заложенной в литературном тексте информации эстетического, лингвострановедческого и культуроведческого характера, проникновению в смысл текста.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Богатырев А.А. Элементы неявного смыслообразования в художественном тексте. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1998. 100 с.
2. Богин Г.И. Схемы действий читателя при понимании текста. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1989. 69 с.
3. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 110–122.
4. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. М.: Флинта: Наука, 2006. 224 с.
5. Тульчинский Г.Л. Проблема осмысления действительности: Логико-фило-софский анализ. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 175 с.
6. Beaugrande R. New foundations for science of text and discourse: Cognition, communication, a. the freedom of access to knowledge a. soc. Norwood (N. J.): Ablex, Cop. 1997. XI. 670 p.
7. Clyne M. Dynamics of language contact: Engl. a. immigrant lang. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. XV. 282 p.
8. Downing L.H. Negation, Text Worlds and Discourse: the Pragmatics of Fiction. Stamford, Connecticut: Ablex Publishing Corporation, 2000. 225 p.